

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2023. Т. 23, вып. 3. С. 325–333

Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology, 2023, vol. 23, iss. 3, pp. 325–333

<https://soziopolit.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1818-9601-2023-23-3-325-333>, EDN: HMRZDH

Научная статья

УДК 316.75

Теоретико-методологические основания изучения современных антиутопий: политические идеологии как социальные альтернативы в художественной литературе

И. И. Кузнецов^{1,2}✉, М. М. Вантеевский²

¹Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Россия, 119991, г. Москва, ГСП-1, Ленинские горы, д. 1

²Институт научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН), Россия, 117418, г. Москва, Нахимовский проспект, д. 51/21

Кузнецов Игорь Иванович, доктор политических наук, ¹профессор кафедры истории и теории политики; ²ведущий научный сотрудник Отдела политической науки, politbum@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0274-8728>

Вантеевский Макар Михайлович, младший научный сотрудник Центра междисциплинарных исследований, mvanteevsky@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8008-7921>

Аннотация. Предлагается анализ современной антиутопии как пространства репрезентации и конструирования политической идеологии. Под современной антиутопией в работе понимается направление творческой мысли, которое является культурным примером осмысления идейно-ценностных основ современности, исторического сознания общества и граждан, а также возможных сценариев дальнейшего развития в будущем и целеполагания. Акцентируется внимание на том, что современная антиутопия обладает рядом собственных признаков и отличительных черт, а также может быть реализована в форме «дистопии» или «гетеротопии». В данном исследовании сформирована классификация писателей-антиутопистов по поколенческому признаку («позднесоветские» – «перестроечные» писатели 2000–2010-х гг.), а также по идеологической принадлежности («левые славянофилы» и «правые западники»). Также предлагается исследовать произведения писателей и их продолжение в виде экранизации и общественно-политического дискурса с помощью трех уровней анализа: макроуровень (анклавно-конгломеративная теория А. Д. Богатурова и А. В. Виноградова, теория игры Й. Хейзинги, постмодернизм); мезоуровень (критический дискурс-анализ, контент-анализ); микроуровень (семиотический анализ). В результате формируется три версии художественного произведения: замысел автора; интерпретация читателя; образы, идеи и символы произведения, ставшие элементом массовой культуры, которые сформировались в результате усреднения идей, ценностей и смыслов, поддержанных большинством и ушедших в народ. Таким образом, с помощью сформированной классификации писателей, понимания современной антиутопии и представленных научных методов предлагается анализировать этот феномен в контексте формирования и репрезентации политической идеологии.

Ключевые слова: современная антиутопия, утопия, гетеротопия, дистопия, политическая идеология, семиотика, критический дискурс-анализ, теория игры, постмодернизм

Для цитирования: Кузнецов И. И., Вантеевский М. М. Теоретико-методологические основания изучения современных антиутопий: политические идеологии как социальные альтернативы в художественной литературе // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2023. Т. 23, вып. 3. С. 325–333. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2023-23-3-325-333>, EDN: HMRZDH

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Theoretical and methodological bases for the study of modern anti-utopias: Political ideologies as social alternatives in art literature

I. I. Kuznetsov^{1,2}✉, M. M. Vanteevsky²

¹Lomonosov Moscow State University, GSP-1 Leninskie Gory, Moscow 119991, Russia

²Institute of Scientific Information on Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (INION RAS), 51/21 Nakhimovsky Prospekt, Moscow 117418, Russia

Igor I. Kuznetsov, politbum@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0274-8728>

Makar M. Vanteevsky, mvanteevsky@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8008-7921>

Abstract. The article presents an approach to the analysis of modern dystopia as a space for the representation and construction of political ideology. The modern dystopia is understood in the work as a direction of creative thought, which is a cultural example of understanding the

ideological and value foundations of modernity, the historical consciousness of society and citizens, as well as possible scenarios for further development and goal setting in the future. Attention is focused on the fact that modern dystopia has a number of its own features and distinctive features, and can also be implemented in the form of "dystopia" or "heterotopia". In this study, a classification of dystopian writers is formed according to generational characteristics ("late Soviet" – "perestroika" writers of the 2000s and 2010s), as well as according to ideological affiliation ("left Slavophiles" and "right Westerners"). It is also proposed to study the works of writers and their continuation in the form of film adaptation and socio-political discourse using three levels of analysis: the macro level (enclave-conglomerative theory by A. D. Bogaturov and A. V. Vinogradov, game theory by J. Huizinga, postmodernism); mesolevel (critical discourse analysis, content analysis); micro level (semiotic analysis). As a result, three versions of a work of art are formed.: the author's intention; interpretation of the reader; images, ideas and symbols of the work, which have become an element of mass culture, which have been formed as a result of averaging ideas, values and meanings, supported by the majority and become popular. Thus, with the help of the formed classification of writers, understanding of modern dystopia and the presented scientific methods, it is proposed to analyze this phenomenon in the context of the formation and representation of political ideology.

Keywords: modern dystopia, utopia, heterotopia, dystopia, political ideology, semiotics, critical discourse analysis, game theory, postmodernism

For citation: Kuznetsov I. I., Vanteevsky M. M. Theoretical and methodological bases for the study of modern anti-utopias: Political ideologies as social alternatives in art literature. *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*, 2023, vol. 23, iss. 3, pp. 325–333 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2023-23-3-325-333>, EDN: HMRZDH

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

В современном мире чтение остается одной из форм коммуникации, восприятия информации, образов, символов и идей, однако, по сравнению с бумом книжной культуры XX в. в нашей стране, сегодня человек в большей степени склоняется к потреблению информации в аудиовизуальном формате (фильмы, музыка, видеоигры и др.). Благодаря цифровизации общества и появлению электронных носителей, цифровых платформ рынок массовой культуры сегодня наполнен контентом на любой вкус и возраст, для каждой социальной группы найдется свой материал, формат для инфо-потребления: слушать музыку, смотреть клипы, фильмы, играть в видеоигры, читать теперь можно в любой точке Земли и почти на каждом носителе, который имеет доступ к Сети. Также процессы цифровизации коснулись и культуры чтения: как показывают недавние результаты исследования Mediascope, «около 43% населения России в возрасте 12–64 лет читают книги онлайн, а треть – слушает аудиокниги» [1].

Существует предположение о том, что источником основных политических образов и идей до сих пор остается текст и его художественное воплощение, а именно жанр антиутопии как центр современного социального процесса в литературе. Отсутствие жестких рамок и полная свобода творчества позволяют писателям все чаще обращаться к антиутопии как к инструменту описания современности и конструирования разных версий прошлого и будущего. Более того, современные антиутопии являются примером знаковых систем, формирующих образы и смыслы, которые затем активно используются в массовой культуре, влияют на носителей идеологии: политиков, журналистов, писателей, лидеров общественного мнения и др. Таким образом, в данной статье

представлена авторская методология изучения современных художественных произведений и подходы к анализу репрезентации идеологии. Кроме того, авторы выдвигают собственное понимание феномена современной антиутопии как социально-политического явления.

Для изучения современной антиутопии, политической идеологии и дискурса, анализа ценностей, знаковых систем и образов, мифов и архетипов в них требуется достаточно широкий научный инструментарий для комплексного описания того или иного явления. В контексте данного исследования представляется перспективным использовать следующие основные подходы: 1) анклавно-конгломеративную теорию А. Д. Богатурова и А. В. Виноградова [2]; 2) семиотический подход; 3) постмодернистский подход; 4) теорию игры Й. Хёйзинги [3]).

В *анклавно-конгломеративной теории* А. Д. Богатурова и А. В. Виноградова отечественная массовая культура может быть представлена как сложный, многосоставной организм, в котором каждая из его частей жизненно необходима для всего целого. Позиция отечественных исследователей основана на предположении, что есть общества, в которых развитие происходит через унификацию, т.е. через усреднение (не важен цвет кожи, не важна религиозная идентичность, а приоритет имеет потребительское и гражданское начало: происходит сокращение фактора инаковости, сведение его к средней величине). Но есть и другие общества, которые предполагают многостороннее развитие, исключаящее единый универсальный образ, служащий примером для всех остальных. В таких обществах разные национальности, культуры могут уживаться друг с другом и успешно развиваться, при этом сохраняются традиции и исторические институты. Такое движение к

совместному развитию не подавляется, а наоборот – является ключевым элементом данного социального образования.

«Равноположенное развитие», описанное А. Д. Богатуровым и А. В. Виноградовым, предполагает не только линейное ускорение прогресса или распространение нормы потребления для всех, но и позволяет сохранить нажитые за многие века элементы собственной культуры, языка, традиций, политического устройства. Это берегающее развитие дает возможность сохранить привычные формы идентичности (земельные, клановые, родственные, земляческие), которые воспроизводятся и не тормозят прогресс и модернизацию. Таким образом, такое общество является примером того, что для развития и эволюции не обязательно отказываться от культурных и исторических основ, перечеркивать историю нации, этноса, племени, а возможно совмещать отвергаемые теоретиками «вестернизации» прогресс и традицию.

Для изучения современной массовой культуры, а именно в контексте современных антиутопий, такой подход позволяет по-другому посмотреть на творчество отечественных писателей. Например, негативный образ России будущего в произведениях Владимира Сорокина («День опричника», «Сахарный Кремль»), описанный через призму эпохи Ивана Грозного и опричного правления, приобретает другой смысл: государство, царь и его опричники – это не застой и стагнация российского общества, а единственный выход из сложившегося политического и исторического контекста, который, более того, имеет определенные культурные основания, заложенные в российской государственности. Для Ивана Грозного введение опричнины, формирование идеологии «Москва – Третий Рим» было связано с необходимостью поиска новых путей развития в меняющемся мире и в российском государстве. С одной стороны, в Европе в XVI в. благодаря Реформации начинают зарождаться новые религиозные движения (протестантизм, кальвинизм и др.), которые ставят под удар средневековые феодальные традиции, а с другой стороны, после присоединения к Московскому княжеству Новгорода и Твери (а затем Казани и Астрахани) появляется новое территориальное образование с сильной централизованной структурой, нуждающейся в новой системе управления.

Таким образом, в историческом контексте реформы Ивана IV являются естественной реакцией на внешние и внутренние угрозы. Их историческая оценка не может быть исключи-

тельно негативной (к тому же некоторые нововведения, например разделение на опричнину и земщину, были свернуты самим государем). Тем не менее, в глобальном историческом масштабе события XVI в. могут оцениваться как процесс становления централизованного государства. Следовательно, в произведениях В. Сорокина представлена творческая интерпретация судьбы государства в переломные моменты мировой истории, не связанная только с категориями «стагнация»/«прогресс» общества. Скорее, в них ставятся вопросы приемлемости модели социальных изменений, имеющей некоторые культурные и политические основания.

Семиотический подход давно разрабатывался как зарубежными исследователями (Ч. С. Пирс [4], Ф. Де Соссюр [5], Ч. У. Моррис [6] и др.), так и отечественными (тартуско-московская семиотическая школа во главе с Ю. М. Лотманом [7–12], М. М. Бахтин [13] и др.). Сама семиотика является наукой о знаках: исследование функционирования знаковых систем и их влияния на социально-культурные процессы. Более того, семиотика – это также «средство исследования миров разной модальности: миров возможных и невозможных, миров желаемого и должного, миров, в которые мы верим, миров, которые вызывают у нас восхищение, ужас или стыд» [14, с. 12]. Таким образом, семиотика активно применяется в общественных и гуманитарных науках, так как с помощью ее инструментария можно анализировать дискурсы, исследовать образы и символы.

Базовыми концепциями в семиотике являются две модели знаков: диадическая (означающее – означаемое) [5] и триадическая (форма – смысл – значение) [4]. При этом сам знак понимается «как материальный объект, которому при определенных условиях соответствует некое “значение”, могущее быть чем угодно – реальной или вымышленной вещью, явлением, процессом, фантастическим или сказочным существом, абстрактным понятием» [15, с. 50]. Знаки и знаковые системы анализируются сквозь призму трех разделов семиотики: 1) синтактика (синтаксис знаковой системы – отношения знаков между собой); 2) семантика (отношения между знаком и означающим его объектом, игра образами); 3) прагматика (использование, понимание знаков и их отношение к интерпретаторам). Таким образом, несмотря на то что семантика не может существовать без определенного контекста, в нашем исследовании особую роль будут играть прагматика и контекстуальность: значимым является то, что

собой представляет дальнейшая интерпретация образов, ценностей и идей (знаков), представленных в художественном произведении.

Семиотический подход позволяет провести сравнение творчества двух противоположных представителей эпохи, расходящихся во взглядах как на прошлое нашей страны, так и на современность: Владимира Сорокина и Александра Проханова. Обращение к историческому материалу у них весьма различно. Центральная категория творчества – государство. У Проханова это образ сильного централизованного государства (империя), символ верно выбранного/предопределенного пути развития, который всегда был свойственен российской цивилизации. У Сорокина образ сильного государства представлен как тупиковый путь развития, который может привести только к стагнации общества во всех сферах. Такой вывод читатель делает в результате освоения семантического поля, наполненного соответствующими образами, где знаки формируют отношение к государственным институтам и политическим лидерам («герои», «титаны», «солдаты империи» и «опричники/кромешники», «сатрапы» и «тираны»). Таким образом, авторы, используя художественные приемы, погружают читателей в созданный мир, тем самым давая представить и, возможно, почувствовать миссию государства.

Не менее важным является восприятие читателем тех образов, которые заключил в художественную оболочку сам автор, т.е. как читатель декодирует заложенный смысл и какая репрезентируется картина произведения. Нередко возникает ситуация, когда заложенный автором смысл произведения отличается от нового знания, которое вырабатывает читатель. Так, например, отечественный писатель Алексей Иванов является автором многих исторических романов, которые сегодня активно экранизируются (в 2022 г. в кинопрокате демонстрировался фильм, снятый по книге А. Иванова «Сердце Пармы»), однако во многих экранизациях он отказался от соавторства (например, в кинофильме «Тобол» вышедшим в прокат в 2019 г.) [16], так как считает, что сценаристом и режиссером фильма неправильно интерпретирован основной замысел книги. Тем не менее, фильм вышел в прокат с одноименным названием и стал уже заметным явлением массовой культуры. Однако существуют и примеры, когда формируется коллаборация, состоящая из писателя и кинорежиссера, – фильм «Царь», в котором сценаристом выступили Алексей Иванов и Павел Лунгин. Несмотря на то, что в даль-

нейшем Иванов написал собственный роман «Летоисчисление от Иоана», созданный на основе сценария и в котором полнее раскрывается позиция писателя, тем не менее, фильм – интересная (хотя и небесспорная!) художественная попытка реконструировать эпоху и правление Ивана Грозного.

Современные антиутопии можно также анализировать с помощью *теории игры* Йохана Хейзинги и предложенного им концепта «человека играющего». Основной посыл здесь в том, что культура сформировалась в процессе игры и до сих пор развивается по таким же законам. Голландский философ делает вывод, что любая культура должна содержать в себе два компонента – свободу действия и наличие каких-либо идейных рамок, должна подчиняться правилам [3]. Вообще Хейзинга придает игре универсальное значение в истории развития человечества, однако отмечает, что именно культура в виде образов, мифов, ценностей и смыслов рождается из игры и имеет игровую основу. Писатели не только конструируют и формируют игровые идейно-ценностные концепты, но и включаются в процесс коммуникации с помощью скрытых транзакций и выбранных ролей [17, 18]. Таким образом, любая культура может содержать в себе, с одной стороны, элемент свободы, который позволяет ей развиваться, обновляться и актуализировать смысловое начало, а с другой стороны, необходимо наличие определенных рамок, правил, которые сохраняют традиционное начало и формируют игровое сообщество. Если исходить из этого подхода, то современная антиутопия является своеобразной игрой автора с реальностью, контекстом и обстоятельствами. Но при этом автор заново создает рамки произведения, задает вектор осмысления проблемы, а также предоставляет свободу читателю интерпретировать выдвинутые им идеи и генерировать новые смыслы.

Последний из представленных методов – *постмодернизм* – дает понимание современного общества как массового общества, в котором социальная структура делится на элиту и большинство: элита создает определенные идеи, смыслы и ценности, встраивает их в массовую культуру, а большинство не стремится критически осмыслить и пассивно соглашается с установленной позицией. Такую примитивную и легко усваиваемую информацию, поступающую в общество в виде образов, Ж. Бодрийяр называл «симулякрами» [19]. По мнению французского философа, сегодня мы живем «обществе потребления» [20], которое поддерживает

идеология, т. е. совокупность символов и образов. В результате потребности и мышление у индивидов становятся максимально стандартизированные, упрощается целеполагание человека, появляются иллюзия свободы и возможности выбора. Формирование такого социума связано с тем, что идеология потеряла связь с реальностью и превратилась в «метанарратив» [21], т. е. в тип дискурса, картины мира или мировоззрения, которое все объясняет. Такой метанарратив выполняет также функцию легитимации нынешнего социально-политического порядка, а значит, существует в любом человеческом обществе. В таком обществе художественное произведение начинает жить по новым законам и правилам, выполняет новые социально-политические функции, а также заставляет по-новому взглянуть как на само произведение, так и на позиции автора и читателя [22].

Отечественные исследователи акцентируют внимание на актуальной сущности постмодернизма и предлагают рассматривать его как критический подход анализа артефактов массовой культуры [23], а также отмечают глубокую традицию развития массовой культуры в России и ее влияние на русский постмодерн [24] и выявляют роль художественного творчества в постмодернизме [25]. Таким образом, благодаря использованию теории игры и подхода постмодернизма в исследовании появляется возможность рассматривать антиутопию как свободное пространство смелых образов и форм и, выходя за общепринятые рамки и шаблоны, осмысливать будущее, настоящее и прошлое, смотреть, как будут развиваться события в созданных условиях и к каким последствиям они приведут. Однако антиутопия также тесно связана с актуальными тенденциями в мире, поэтому художественное произведение может рассматриваться как элемент постсовременного дискурса с его отличительными чертами, которые оказывают влияние как на авторов произведений, так и на читателей и их интерпретацию смыслов, идей и ценностей.

Традиционно антиутопия представляет собой попытку отказаться от поиска лучшего, от социально-политического идеала «иронически или отдельно переосмысливающим ценностные ориентации литературной утопии» [26, с. 250]. Негативная утопия часто представляет собой критику подхода, описывающего построение небывалой, фантастической страны, идеи идеального государства, которая до сих пор никогда и никем не была реализована. Однако современная антиутопия как жанр литературы,

включающий в себя произведения последней четверти XX в. и до нашего времени, представляет собой интересное и неоднозначное явление. С одной стороны, книги таких писателей, как Владимир Войнович («Москва 2042»), Василий Аксенов («Остров Крым»), являются продолжением антиутопической традиции XX в., а с другой стороны, несмотря на то что современные критики определяют произведения Владимира Сорокина (дилогия «День опричника» и «Сахарный Кремль»), Алексея Иванова («Пищеблок»), Дмитрия Глуховского (трилогия – «Метро 2033», «Метро 2034», «Метро 2035»), две части аудио-романа «Пост» и «Пост. Спасти и сохранить») как негативную утопию, они сильно отличаются от произведений классиков этого жанра – Джорджа Оруэлла, Олдоса Хаксли, Евгения Замятина, Аркадия и Бориса Стругацких и др.

Более того, в исследовательском поле выделяются новые поджанры этого направления, которые призваны классифицировать новые явления в литературе. Таким, например, является понятие «дистопия», которое связано с реальными событиями и даже экстраполирует современные тенденции и общественные явления в будущем (Сергей Доренко «2008»; Ольга Славникова «2017»), однако выполняет функцию критики современного общества, близка к реалистической сатире. Время в дистопии носит относительный характер: автор может создавать свой социальный мир как в прошлом, так и в настоящем и будущем. Дистопия похожа на феномен, который был подробно описан французским философом Мишелем Фуко [27], – гетеротопия. По сути, гетеротопия является попыткой внутри определенного пространства создать дополнительные метавселенные, которые, с одной стороны, будут связаны между собой, а с другой стороны, эти внутренние миры создают новые качества и отличаются от друг друга. Если в дистопии будет (в большинстве случаев) использовано одно время, в котором развивается действие произведения, то гетеротопия может вмещать в себя три времени – настоящее, прошедшее и будущее (иногда и предпрошедшее – «попаданцы»).

Таким образом, вопрос о жанровой принадлежности современных антиутопических произведений остается неясен до сих пор. В то же время в политологическом исследовании может быть предложен следующий ракурс. Во-первых, антиутопия представляет собой критику идеального, утопической идеи улучшения современности или реакцию на нереализован-

ную утопию или на доминирующую идеологию в обществе (Александр Проханов «Последний солдат империи», Сергей Шаргунов «1993» – реакция на либерально-капиталистическую утопию 90-х гг.). Во-вторых, современные писатели в своих произведениях могут использовать и дистопию, и гетеротопию, поэтому для таких текстов возможна игра со временем (действие не обязательно должно быть в будущем, а может описывать современность). Более того, в произведении могут одновременно существовать несколько временных промежутков и эпох. Также современная антиутопия может создавать дистопический образ мира: выявлять общественные настроения, критически подходить к современным тенденциям развития. В результате одним из предметов нашего исследования является антиутопия не как литературный жанр, а как направление творческой мысли, которое является культурным примером осмысления идейно-ценностных основ современности, исторического сознания общества и граждан, а также возможных сценариев дальнейшего развития и целеполагания в будущем.

Стоит прояснить, что понятие современной антиутопии в данной работе не определяется временным промежутком, а рассматривается как идейно-ценностное направление развития отечественной социально-политической мысли. Этот период касается, прежде всего, перестройки позднесоветского государства, а также построения на его «руинах» новой политической системы – современной России. Таким образом, писателей-антиутопистов можно классифицировать относительно двух измерений: поколенческого и идеологического. С точки зрения первого подхода можно выделить: 1) позднесоветских писателей (Владимир Войнович, Василий Аксенов), которые в своих работах акцентировали внимание на советском политическом строе и на альтернативных путях развития СССР; 2) писателей-свидетелей развала Советского Союза (Александр Проханов, Эдуард Лимонов), центральной темой в работах которых были события в нашей стране в 1990-х гг. и последствия изменения курса государства; 3) российские писатели 2000–2010-х гг. (Сергей Шаргунов, Михаил Елизаров, Захар Прилепин, Владимир Сорокин, Алексей Иванов, Дмитрий Глуховский, Борис Акунин), которые являются синтезом двух предшествующих поколений: с одной стороны, так же как и предшественники, анализируют опыт СССР и перестроечных реформ, а с другой – осмысливают нынешнее политическое устройство и

политический режим, его перспективы развития, угрозы и вопросы исторического наследия.

С идеологической и мировоззренческой позиции можно выделить две противоположные тенденции – «антисоветизм» и «советизм». Тема советского прошлого до сих пор остается актуальной в интеллектуальной сфере, поэтому в писательской среде представляется перспективным обозначить два идеологических лагеря: с одной стороны, это писатели, позитивно оценивающие опыт СССР и пытающиеся в своих произведениях, выступлениях в СМИ «помирить» все этапы развития государства Российского (Александр Проханов, Сергей Шаргунов, Эдуард Лимонов, Захар Прилепин, Михаил Елизаров), а с другой стороны, сформировался лагерь писателей-западников, оценивающих опыт СССР преимущественно в негативном ключе и борющихся за исключение советских практик в современной России (Владимир Войнович, Алексей Иванов, Дмитрий Глуховский, Владимир Сорокин, Борис Акунин и др.). Такое разделение носит обобщенный характер, и в некоторых случаях бывают исключения, однако, исходя из идейного содержания творчества писателя, такая классификация представляется перспективной для исследования современных антиутопий как пространства конструирования и репрезентации политических идеологий.

Таким образом, возникает вопрос относительно того, что такое идеология сегодня и какое место в ней занимает художественное творчество. Классическое определение гласит, что «идеология идейно обосновывает цели и характер принуждения, которое применяется для достижения тех или иных групповых целей» [28, с. 95]. Политическая идеология представляет собой совокупность концепций, доктрин, выступающих как публичный ориентир для государства, общества и обычных граждан: может создавать идейно-теоретические рамки или осуществлять культурное господство. Утопия может выступать основой политической идеологии, однако это не синонимичные понятия, так как идеология – упрощенная и интерпретированная версия утопии, которая гораздо сложнее и объемнее. Антиутопия в данном контексте, во-первых, будет выступать как критика существующей утопии и идеологии, во-вторых, предлагает альтернативный взгляд на существующие тенденции в обществе, на историческое прошлое и переосмысливает цели в будущем. Тем не менее, поскольку антиутопия не является антиидеологией, то ее содержательные моменты также представляют собой

сложное творческое явление, которое может содержать как аналитические наблюдения писателя, так и элементы дискурса, политической повестки.

Историю изучения идеологии можно разделить на три этапа: 1) классические исследования (XIX–XX вв.); 2) деидеологизация (1960-е гг. XX в.); 3) реидеологизация (1970-е гг. – XXI в.). Классические политические теории XIX и XX вв. исходили из того, что идеология – это совокупность идей, убеждений и представлений, которые формируются и насаждаются правящим режимом, служат инструментом управления массами. К. Маркс и Ф. Энгельс определили идеологию как «ложное сознание», и именно этот классовый концепт послужил отправной точкой для дальнейшего развития изучения идеологии. Так, например, К. Мангейм, А. Грамши, В. И. Ленин, Л. Альтюссер опирались на марксистский тезис и видели цель идеологии в стабилизации общественного развития путем формирования идейного содержания политики и контролирования общественных идеалов, выраженных в художественных формах. Во время классического периода изучения идеологии ее функция сводилась к «сохранению и постоянному репродуцированию существующего образа жизни», а также к «обеспечению единства общества» [29, с. 78]. Любая идеология может присутствовать в процессах социализации человека: формировать определенные идеалы, задавать смыслы существования и демонстрировать логику общественного развития. Более того, нередко исследователи на ранних этапах изучали идеологию как совокупность определенных догматических установок, ценностей и норм, которые по своему функциональному значению и отношению к ним индивида не сильно отличались от религиозных учений.

В середине и конце XX в. стали появляться работы, которые ознаменовали новый этап в исследовании идеологии и гласили о «конце идеологии» (Р. Арон, Д. Белл, Х. Арендт, С. Липсет, Ф. Фукуяма). По мнению исследователей, необходимость в идеологии со стороны общества и государства должна планомерно снижаться, а на смену идеологии придет научное знание, которое позволит разрешить большинство социальных и политических проблем. Более ранние исследования апеллировали к проблеме унифицирования идей и концептов, поздние – ссылались на тотальную победу либерализма и установление однополярного миропорядка, который закреплял статус западных цивилизаций в качестве идеологического победителя. Одна-

ко спустя несколько десятилетий этот вывод не кажется таким однозначным, более того – некоторые представители данного направления, такие как Д. Белл и Р. Арон, признали ошибочность своих суждений и поддержали концепцию «реидеологизации».

Представители направления «реидеологизации» (Я. Барион, О. Лемберг, У. Матц) продвигали идею о том, что идеология не исчезла, а приобрела новое влияние. Они считали, что идеология не может отмереть, так как ей принадлежит ряд основообразующих функций: социализация и самоидентификация индивидов. Таким образом, можно утверждать, что на современном этапе развития исследователи, с одной стороны, стараются отходить от «надстроечного» понимания идеологии как совокупности догматических ценностей, которые позволяют человеку ответить на все вопросы мироздания, и анализируют идеологии с позиции ценностей, политической мифологии, архетипов, с другой же стороны, признают существование идеологии и ее переход на качественно иной уровень. В современном мире становится очевидным, что идеология «представляет собой “лицу с двусторонним движением” – верования и действия правителей формируются под влиянием давления ценностей “низов”, в то же время они имеют возможность оказывать давление в нужном для них направлении на граждан “сверху”» [30, с. 89]. Ф. Конверс, К. Гирц, Т. ван Дейк, М. Фриден, Е. Лаклау и Ш. Муффе, Ж. Сорель, Р. Барт, Т. Иглтон отталкиваются в своих исследованиях от тезиса о том, что идеология не является в полной мере системой теоретических концептов, а представляет собой совокупность идей, образов, символов в обыденном сознании.

В отечественных исследованиях идеологии за последние десятилетия наблюдаются две тенденции: 1) изучение идейно-ценностного основания современных идеологических тенденций; 2) анализ запросов общества, отдельных социальных групп и их идеология. Так, например, в рамках первой тенденции политолог А. Ю. Мельвиль рассматривает предпосылки и возможные сценарии развития нового явления в нашей стране – «неоконсерватизма» [31]. В рамках второй тенденции большое внимание уделяется идейно-ценностным основаниям среднего класса в России: например, Л. Г. Фишман, В. С. Мартыанов, Д. А. Давыдов анализируют эволюцию капитализма и роль ренты в социально-политических процессах современности [32].

На новом этапе изучения идеологии начинает выделяться культурный фактор, который

оказывает влияние как на саму идеологию, так и на степень ее актуальности, репрезентативности идейного состояния общества. Английский политический философ Майкл Фриден отмечает тот факт, что современные идеологии должны не только являться рационально концептуализированными и иметь эмоциональный отклик, но также предопределяться культурой и историей данного общества [33]. Тем не менее, можно говорить о том, что в современном мире, во-первых, идеология не вымерла и продолжает существовать, а во-вторых, изменились сами идеологические конструкты и вслед за ними методики исследования, которые, прежде всего, касаются не идеалистических соображений отдельного индивида, а связаны с идеями, образами, мифами, символами, архетипами, поддерживаемыми членами какой-то группы или большинства.

Один из современных исследователей, изучающий методы реализации политической идеологии, Т. ван Дейк в своих работах акцентирует внимание на анализе дискурсивных практик, так как именно «свойства текста и речи позволяют нам формулировать и выражать абстрактные идеологические верования самым непосредственным образом» [30, с. 84]. Голландский лингвист отмечает, что не стоит искать источник идеологии только в дискурсе, однако именно там создается смысловое поле, в котором формируются идеи, смыслы и ценности. Стоит отметить, что у Т. ван Дейка понятие дискурса касается речи и воздействия ее на сознание человека, однако в контексте нашей исследовательской работы представляется перспективным изучение дискурсивных практик, включающих в себя совокупность всех коммуникативных действий, направленных на реализацию какой-либо власти: дискурсы являются проводниками идеологических концептов, выполняют функцию легитимации идеалов, а также мотивируют определенные типы поведения. Дискурсивные практики играют большое значение в процессе формирования и редуцирования политической идеологии, более того, эти две области взаимосвязаны. Несмотря на снижение популярности художественных произведений и изменение форм культуры чтения, такие классические форматы творческой репрезентации, как утопия и антиутопия, новые направления литературы, как дистопия и гетеротопия, до сих пор являются источником политических образов, идей, которые в результате декодирования знаковых систем, заложенных авторами произведений,

становятся частью массовой культуры, политического дискурса и политической идеологии.

Таким образом, можно говорить о том, что текст и литературное произведение как часть массовой культуры являются источником образов, символов и идей, которые используют в дальнейшем читатели. Отметим, что, как правило, художественный замысел – это попытка осмысления социально-политической реальности: автор в своем произведении описывает свою позицию, свое восприятие государства, общества, определенного исторического периода в прошлом или возможных сценариев в будущем. Политическая идеология в таком случае выступает и как объект работы художника (он ее создает), и как результат, который мы в итоге получаем: одно дело как это замыслил автор, совершенно другое – как это воспринял читатель. В результате появляется три версии того, что было создано: 1) замысел автора; 2) интерпретация читателя, 3) образы, идеи и символы произведения, ставшие элементом массовой культуры, которые сформировались в результате усреднения идей, ценностей и смыслов, поддержанных большинством и ушедших в народ.

Список литературы

1. Исследование Mediascope: поиск книг в интернете // Mediascope. URL: <https://mediascope.net/news/1478588/> (дата обращения: 24.11.2022).
2. Богатуров А. Д., Виноградов А. В. Модель равноположенного развития: варианты сберегающего обновления // Полис. Политические исследования. 1999. № 4. С. 60–69. EDN: ESCRER
3. Хейзинга Й. Homo ludens. Человек играющий. СПб.: Азбука, 2022. 400 с.
4. Peirce C. Philosophical writings of Peirce. New York: Dover publications, 2012. 416 p.
5. Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1977. 695 с.
6. Morris C. W. Foundations of the theory of signs // International Encyclopedia of Unified Science. University of Chicago Press, 1938. Vol. 1, № 2. 59 p.
7. Лотман Ю. М. Статьи по семиотике культуры и искусства. СПб.: Академический проект, 2002. 542 с.
8. Лотман Ю. М. Избранные статьи: в 3 т. Т. 1. Статьи по семиотике и типологии культуры. Таллин: Александра, 1992. 478 с.
9. Пятигорский А. М. Избранные труды. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. 590 с.
10. Гаспаров Б. М. Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования. М.: Новое литературное обозрение, 1996. 352 с.
11. Иванов В. В. Очерки по истории семиотики в СССР. М.: Наука, 1976. 303 с.

12. Успенский Б. А. Избранные труды : в 3 т. Т. 1. Семиотика истории. Семиотика культуры. М. : Школа «Языки русской культуры», 1996. 605 с.
13. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М. : Искусство, 1986. 445 с.
14. Фомин И. В., Ильин М. В. Зачем семиотика политологам? // Политическая наука. 2016. № 3. С. 12–29. EDN: XCGBJD
15. Агеев В. Н. Семиотика. М. : Весь Мир, 2002. 256 с.
16. Алексею Иванову не понравился снятый по его книге фильм «Тобол» // ТАСС. URL: <https://tass.ru/kultura/6153592> (дата обращения: 30.03.2023).
17. Берн Э. Игры, в которые играют люди. М. : Бомбора, 2023. 288 с.
18. Берн Э. Люди, которые играют в игры. М. : Бомбора, 2021. 496 с.
19. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляции. М. : Изд. дом «ПОСТУМ», 2015. 240 с.
20. Бодрийяр Ж. Общество потребления. Его мифы и структуры. М. : Республика, 2006. 269 с.
21. Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна. М. : Ин-т экспериментальной социологии, 1998. 160 с.
22. Беньямин В. Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости. Избранные эссе. М. : Медиум, 1996. 240 с.
23. Марков А. В. Постмодерн культуры и культура постмодерна. М. : Рипол-Классик, 2022. 256 с.
24. Кондаков И. В. Русский масскульт: от барокко к постмодерну. М. ; СПб : Центр гуманитарных инициатив, 2018. 544 с.
25. Дианова В. М. Постмодернистская философия искусства: истоки и современность. СПб. : Петрополис, 1999. 240 с.
26. Морсон Г. Границы жанра // Утопия и утопическое мышление : антология зарубежной литературы : пер. с англ., нем., фр. и др. яз. / сост., общ. ред. и предисл. В. А. Чаликовой. М. : Прогресс, 1991. С. 233–551.
27. Фуко М. Другие пространства // Фуко М. Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью. М. : Праксис, 2006. С. 191–204. (Новая наука политики).
28. Соловьев А. И. Политология: Политическая теория, политические технологии. М. : Аспект Пресс, 2003. 559 с.
29. Манхейм К. Идеология и утопия. М. : ИНИОН РАН, 1992. 245 с.
30. Алексеева Т. А. Современная политическая мысль. XX–XXI вв. Политическая теория и международные отношения. М. : Аспект Пресс, 2018. 623 с.
31. Мельвиль А. Ю. Неоконсервативный консенсус в России? // Политика: Анализ. Хроника. 2017. № 1. С. 29–45. EDN: ХТХFMD
32. Фишман Л. Г., Мартыанов В. С., Давыдов Д. А. Рентное общество: в тени труда, капитала и демократии. М. : Изд. дом «ВШЭ», 2019. 416 с. (Экономическая теория).
33. Taking Ideology Seriously: 21st Century Reconfigurations / ed. by G. Talshir, M. Humphrey, M. Freedan. London ; New York : Routledge, 2006. 176 p.

Поступила в редакцию 10.04.2023; одобрена после рецензирования 10.05.2023; принята к публикации 15.05.2023
The article was submitted 10.04.2023; approved after reviewing 10.05.2023; accepted for publication 15.05.2023